

Рэй Брэдбери,
Роберт Блох,
Роальд Даль,
Ричард Матесон,
а также
«Сумеречная зона»,
«Калейдоскоп ужасов»,
«Байки из склепа»
и все-все-все —
спасибо за голоса в моей голове

АЛЕША СПУСКАЕТСЯ В ПОДВАЛ

Первый раз он очутился в подвале не по своей воле.

Алеше было шесть лет, и он гостил в деревне у бабушки. Годом ранее родители отдыхали там вместе с ним, но в этот раз оставили одного — отец привез в начале июня, а забрать обещал в августе. Мама сказала Алеше, что он уже достаточно большой и без них не пропадет. Сказала, что свежий воздух и солнце полезны для растущего организма, что им с папой надо уладить кое-какие дела, а бабе Нине с внуком «все веселей будет».

Алеша не возражал, ему и в прошлый раз в деревне понравилось. Особенно хороши были бабушкины пирожки, которые так здорово запивать парным молоком, после чего над губой появляются усы из пенки.

Он отправился к бабе Нине с радостью еще и потому, что тем летом родители вели себя странно, неприятно: папа постоянно ругался, а мама часто плакала или тихонько выла без слез. Какие такие «дела» им нужно уладить, Алеша не знал, но догадывался, что все это — ругань, слезы и «дела» — как-то взаимосвязано. Надеялся, что в деревне сможет переждать, а по возвращении все будет как прежде.

Вот только баба Нина тоже стала странной. Много спала и часами торчала у телевизора, даже если тот не работал — тогда она просто сидела в

кресле не мигая, вперившись взглядом в матово-черный экран. Еще она иногда забывала, где что из домашней утвари у нее лежит. А однажды, когда к ним во двор заглянула соседка тетя Клава, соли спросить да утречка доброго пожелать, бабушка вместо ответного приветов плюнула соседке под ноги и расхохоталась: на кладбище сходи — дед те отсыплет!

Алеша таким переменам в характере обычно доброй и отзывчивой бабушки удивился, даже расстроился. Но подумал, что, может быть, она просто болеет чем-то — и со временем, когда ей станет лучше, прекратит говорить и делать всякие странные странности. Да и что ему еще оставалось? Лишь скучать и надеяться, что все как-то само собой придет в норму.

В подвал бабушка его заманила хитростью: попросила Алешу принести оттуда горшочек с рассадой. Ты-то, говорит, молодой еще, у тебя-то ножки здоровые, а меня уж коленки вконец измучили. Так ступай, сказала, спустись по лесенке. Там внизу увидишь полочку, на ней — баночки, а за баночками-то как раз и горшочки с ростками. Выбери такой, где желтенький цветочек проклюнулся.

Сам Алеша стылого темного подземелья избегал и мимо дверного проема с ведущими под землю ступеньками старался, гуляя по дому, проскочить пошустрее. Прекрасно знал, что ничего там внизу нет, кроме полок с соленьями да горшками, но все равно боялся. Ему еще в прошлом году казалось, что в любой момент из черноты протянется длинная костлявая рука, схватит за волосы и потащит в пахнущую сыростью и мышьяковыми какашками тьму. Но признаться в своих страхах Алеша никому

не мог — ни маме, ни бабушке, ни тем более отцу. Стыдно было.

Стыдно да страшно. Но ведь и бабушке не откажешь! И главное — Алеша помнил, что мама просила бабе Нине во всем помогать. Говорила, что та уже старенькая и слабенькая. Говорила — правда, уже в другой раз, и не Алеше, а папе, но мальчик услышал и запомнил, — что бабушке недолго уже осталось. Чего там «недолго», Алеша умом не совсем понимал, но сердцем чувствовал, что речь о чем-то не очень хорошем.

Поэтому, собравшись с духом и даже на секундочку зажмурившись, он все же шагнул за порог подвальной двери. Спустился немножко, на пару ступенек, оглянулся в нерешительности на дверной проем, сереющий между темными, почти что черными стенами. Посмотрел на бабушку, которая стояла наверху и казалась необычайно высокой, ну прям великаншей. Хотел спросить, где тут свет включается: иначе как же ему сыскать нужный горшочек с желтым цветочком, если в подвале так темно, что зажмуривайся, нет — все без разницы, ничего не видать?

— Попался, воришка, — оскалила баба Нина желтые зубы.

И захлопнула за Алешей дверь.

С жутким ворочающимся звуком опустился на железные пазы толстый засов, отрезая путь наружу. Алеша в темноте закричал, заплакал, побежал к двери, принялся колотить по ней кулачками. Кричал, что никакой он не воришка. А яблоко в саду на земле подобрал, только чтобы девочке Фросе подарить, с которой позавчера познакомился, пока по деревне гулял. И что он завтра же найдет Фросю и

ГОЛОСА из ПОДВАЛА

попросит вернуть яблоко или купить такое же на рынке, если то уже скушала.

— Не ври мне, мальчик,— проворчала из-за двери баба Нина. Таким же злым голосом она соседку на кладбище за солью посылала.— Яблоки тут ни при чем, тем паче зеленые. А ты — ты специально сюда приехал, чтобы пенсию мою красть и в канаве в деревянный сундук складывать! Или думал, что я совсем уже старая, не соображу?

Алеша по малости лет про какую-то «пенсию» вообще ничего не знал. О чем и пролепетал, заливаясь слезами, в еле заметную белую щелочку между дверью и косяком из трухлявого дерева.

— Брешешь,— прошипела старуха с ненавистью.— Брешешь, сучий сын! Посиди-ка подумай, как врать и воровать в другой раз. Только знай, что зимой я в подвале этом двух бродяг схоронила за досками.

Онемевший от ужаса Алеша так и застыл перед запертым входом. А когда очнулся и снова замолотил руками-ногами по двери — баба Нина уже ушла. Шаркающие шаги, удаляясь, становились все глуше, пока вовсе не стихли, растворившись где-то в глубинах дома.

Алеша остался один, дрожа от страха и холода — здесь, в подвале, лето, видать, совсем никогда не наступало, а царила вечная стылая осень.

Какое-то время он еще пробыл возле дверей, прижимаясь лицом к узенькой щели и тихонечко хныча. Потом, смирившись с тем, что его не выпустят, отвернулся и посмотрел вниз — куда спускались ступеньки. И где, если верить бабушке, лежали спрятанные двое мертвецов.

Алеша представил, как раздвигаются доски настила и меж ними высовываются перепачканные

землей пальцы. Снизу как будто даже гнилым пахло. Тогда он присел на корточки, обхватил руками колени, сжался в комочек в углу у стены и затих, напряженно всматриваясь в темноту.

Сидел так около часа или даже больше — дрожащий, голодный, зареванный. Прислушивался — к наползающей снизу тишине.

Весь превратился в слух. Слушал, и слушал, и слушал...

Пока не услышал *их*.

Голоса.

— *Здравствуй, мальчик...*

— *Здравствуй, здравствуй, здравствуй...*

Голоса звучали словно бы не в ушах, а внутри его собственной головы. Они не были злыми, они были... никакие. Разные и одинаковые одновременно. И Алеша не мог понять, говорят это дяденьки или тетеньки, дети или старики.

— *Здравствуйте,* — робко ответил он. — *А вы кто — эти самые, кого бабушка тут похоронила?*

— *Нет, мальчик...*

— *Нет-нет-нет...*

— *Никого здесь нет...*

— *И не было никогда...*

— *Только мы, мы, мы...*

— *А мы тут были всегда...*

Удивительное дело, но голоса подействовали на Алешу успокаивающе. Пусть он и не мог понять, кто это говорит, но, по крайней мере, в словах не таилось никакой угрозы. Эхо голосов накатывало

ГОЛОСА из ПОДВАЛА

плавно, как волны на берег, гипнотизировало, убаюкивало. Уставшего и перенервничавшего Алешу потянуло ко сну.

— Мне холодно,— пожаловался он в темноту.

— *Бывает и хуже, мальчик...*

— *Хуже, хуже, сильно хуже...*

— *Мы расскажем тебе историю... Много теплых-претеплых историй...*

— *Много, много, много...*

— *А ты послушай...*

— *Слушай, слушай, слушай...*

И он начал слушать.

СНЕГОВИК

Стоя на коленях, восьмилетний Гришка Сорокин сосредоточенно работал руками. Щеки горели, штанишки намокли, пальцы превратились в сосули и почти не сгибались.

Зато труды его были близки к завершению.

Фигура получалась не очень большая — не то что снеговик на другом краю площадки. Гришка отвернулся, чтобы не видеть толстого урода, но прекрасно слышал, как носятся с радостным визгом вокруг белого великана Ася, Миша, Максим и прочая мелкота. Ну и здоровенный же он, этот снеговик, раза в два выше любого из детей!

Но им-то лепить родители помогали. Мишкин папа все шутил с мамой Аси, а та звонко смеялась и швыряла в соседа снежки. Отец Максима сбегал через дорогу в магазин и вернулся с маленьким пластмассовым ведерком, которое мужчины водрузили снеговика на голову вместо шапки, «чтобы не мерз».

Всем двором лепили, короче. А Гришка работал над своей снежной фигурой в одиночку, потому что был «без-ац-ов-щ-ина». И вообще его не любили. Хуже того — жалели.

На площадку опускался вечер. Смех и визг постепенно стихали — взрослые растаскивали малышей по домам. Гришка шлепнул последнюю горсть снега, разров-

ГОЛОСА из ПОДВАЛА

нял и замер, оценивая результаты трудов. Стянув зубами отсыревшие варежки, подышал на замерзшие ладони.

Вылепленную им скульптуру накрыла тень.

— А се это ти деишь? — Сбоку нарисовалась девчонка в дутой розовой куртке. Чуток повыше Гришки, но только потому, что сам он на коленках стоял. Голубоглазая, светлые волосики выбились из-под вязаной шапки.

Любопытная какая.

— Сардельку леплю,— соврал он и подвинулся, загораживая скульптуру. Почему-то не хотелось, чтобы девчонка разглядела ее в деталях.

— Ну и зопя.

— Сама ты жопа,— обозлился Гришка.

Потом припомнил еще одно гадкое слово и добавил:

— Всратая.

— А у тя сопя падь носем!

— А у тебя...

Не найдясь, чем ответить на дерзость, Гришка решил просто толкнуть нахалку. Чтобы грохнулась «зопой» наземь и заревела, как обычно делает мелюзга в таких случаях. Но пока поднимался с колен, пока разворачивался — глядь, а розовую куртку уж тянет за рукав пожилая тетка.

— Ужинать пора, Мила! Время позднее, пошли — кушать, мультики и спать... О господи! — Баба Лида наконец увидела, ЧТО слепил Гришка в своем углу.

— И не стыдно тебе? — это она уже к нему обратилась.

Вообще бабушка у Милы была добрая. Жила в соседнем подъезде и иногда, встретив Гришку во дворе или рядом с подъездом, угощала леденцами. Но сейчас голос бабы Лиды стал колючим, как замерзшая снежинка.

— Не стыдно,— буркнул Гришка в ответ, утерев заиндевевшие сопля.

Баба Лида перевела взгляд с изваяния на скульптора и тяжело вздохнула. Колючесть из ее голоса куда-то пропала, растаяла:

— Замерз небось, Григорий...

— Замез-нибось-глиголий! — пискнула Мила.

Бабушка строго шикнула на внучку:

— Тише, егоза!.. Что ж ты тут кукуешь, Гриша? Мамка в загуле опять, да?.. Может, с нами? Чайку горячего попьем...

Поймав сочувственный взгляд, Гришка аж затрясся всем телом. Глаза защипало, как на той неделе, когда на школьном задворье толстый пятиклассник поймал его и стукнул по носу, а потом маленькая, но очень громкая и болтливая учителька кудахтала и платок совала. А Гришка разревелся как мелкий. Не от боли — от жгучей обиды. От которой глаза горели, вот как сейчас.

— Ты... ты... Моя мама самая красивая, а ты...— Он сжал кулаки и плюнул старушке под ноги.— Да пошла ты!

Лицо бабы Лиды скривилось, отчего морщин на нем стало еще больше. Уголки губ потекли вниз, на щеках под кожей проступили косточки. Будто бумажный лист смяли в комок, а потом расправили. Голос стал совсем ледяным:

— С матерью своей, шалавой, в таком тоне разговаривай!

Она резко развернулась и прошествовала к дверям в подъезд, утягивая за собой слабо упирающуюся внучку. Попутно выговаривала то ли ей, то ли самой себе: «Сколько раз повторять — не играй с Гришкой! Дурной, совсем дурной мальчишка стал, скверный!.. И мать его, проститу...»

Грохнула дверь. С козырька подъезда просыпалась снежная крошка.

— Выдра старая! — крикнул Гришка, запоздало припомнив, как мать называла соседку, когда ругалась с ней из-за чего-нибудь.

Крикнул — и тут же испуганно втянул голову в плечи. А ну как кто из взрослых услышал?.. Папа Максима,

ГОЛОСА из ПОДВАЛА

например. Ух, тогда Гришке мало не покажется! Он бо-язливо оглянулся по сторонам, готовый в любой момент дать деру, хотя и понимал, что в случае чего — далеко не убежишь.

Успокоился, увидев, что на площадке больше ничего не осталось. Пара припорошенных снегом скамеек, горка-башенка и — снеговик. Такой же громадный, как и прежде.

Падали редкие снежинки. Откуда-то издалека — может, с пятого или шестого этажа, а может, и с соседней улицы — доносилась музыка из новогодней рекламы «Кока-колы», про праздник, который приходит.

Гришка нагнулся, стряхнул с коленей подтаявшие белые хлопья. Вернулся по хрустящему снегу к своей «сардельке». Не заметив, как в быстро сгущающихся сумерках медленно повернулась ему вслед голова снежного гиганта.

Слепленная копия получилась неточной, но все-таки напоминала ту «штукенцию», которой дядя Ашот, достав из штанов, тыкал сегодня Гришкиной мамке в лицо. Взрослые пили водку. Дядя Ашот разделся по пояс, у него были синие от татуировок плечи. Когда дядя Ашот начал гоняться по квартире за мамкой, его волосатый живот кольхался вверх-вниз, вверх-вниз, а мамка громко смеялась. Не так звонко и весело, как Асина мама, — мамкин смех был хриплым, грубым. Казалось, об него можно поцарапаться. Кашляющий же, сиплый хохот дяди Ашота напоминал звуки затрепчин — уж чего-чего, а этого добра у мамкиного хахаля для Гришки всегда хватало.

Он даже обрадовался, когда его выгнали «идигу-лять» — мерзнуть зимним вечером на улице все приятней, чем слушать, как взрослые пыхтят в соседней комнате на разложенном старом диване. И представлять, куда еще дядя Ашот сует свою «штукенцию».

Постояв с минуту в раздумьях над снежным изваянием, Гришка выудил из штанишек собственную маленькую «штучку». Помял ее немного пальцами, наводя прицел. Затем глубоко вздохнул и постарался расслабиться. Внизу зажурчало, желтая струйка начала плавить скульптуру. Снежная «штученция» прямо на глазах становилась все меньше, как будто ее обдавали кислотой. Рукам Гришки стало тепло. Поднимался пахучий пар.

Закончив, Гришка спрятал «штучку» обратно в штаны. Глянул вниз, на снежные развалины, и как следует припечатал остатки «сардельки», размазывая их в жидкую желтую кашу между двух шаров. Шары у него получились похуже, слишком большие, а главное — без волос, но где ж их достанешь, такие, как у дяди Ашота?.. Шарики Гришка тоже растоптал, вымещая накопленную на весь белый свет злобу.

Вдруг в спину ему прилетел снежок.

Гришка вздрогнул от неожиданности. Оглянулся — никого.

Уже совсем стемнело. Из немногочисленных горящих окон многоэтажки лился слабый лимонный свет. Снеговик, продолжавший неподвижно стоять на своем краю площадки, отбрасывал длинную синюю тень.

Гришка повернулся обратно. С трудом просунул в затвердевшую от холода варежку руку.

Еще один снежок ударил в плечо, заставив пошатнуться и выронить вторую рукавичку. Снежные брызги царапнули щеку, ледяная крошка попала за шиворот.

Да что ж такое-то, а? Мальчик с решительным видом подошел по хрустящему насту к снеговика. Внимательно посмотрел наверх, на круглое белое «лицо» самодовольного идиота. Нарисованная улыбка до несуществующих ушей, обмерзлая морковная гнилушка вместо носа. Пуговичные глаза поблескивали в сумраке как

ГОЛОСА из ПОДВАЛА

живые. Снеговик смотрел свысока на Гришку, как бы говоря: «Дурной мальчишка, совсем дурной. Скверный».

И еще это дурацкое ведро-колпак, криво посаженное на голову, — бесит!

Озаренный внезапной догадкой, Гришка резко нагнулся, чтобы посмотреть, не прячется ли кто ЗА снеговиком.

Пусто...

Он разозлился пуще прежнего. Встав на цыпочки, вытянул руки и вырвал из снега морковку. Забросил ее в темноту, куда подальше, затем сломал руки-ветки — сначала одну, потом другую. Подпрыгнув пару раз, со второй попытки сбил верхний снеговой шар, «голову». И едва успел отскочить, чтобы полетевшее вниз ведро не врезало ему самому по темечку. Не успокоившись и на этом, Гришка поддал ведро ногой — так, что оно укатилось за пределы площадки, а мелкие кусочки пластмассы полетели в разные стороны. Принялся скакать на упавшей «голове», представляя, что топчет даже не снег, а лица соседей и их детишек. Розовощекую Милку. Писклявую Асю и ее смешливую маму. И Максима с папашей, и Мишку... всех их.

И бабу Лиду с ее гадскими, источающими обидную жалость старушечьими глазками.

Наконец уставший, но удовлетворенный, Гришка остановился. Отдышавшись, глянул в сторону дома — горят ли окна их с мамкой квартиры? Там ли еще дядя Ашот? Закончилась ли уже водка?.. Возвращаться, конечно, не хотелось, но и делать на площадке больше вроде как нечего.

Ну, разве что еще разок с горки скатиться.

Он направился к башенке. Сделал несколько шагов — в накрывшей округу тиши снег под ногами хрустел особенно громко.